

ДИСКУССИЯ ОБ ОСТЗЕЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Александр Георгиевич Аргун

DOI: 10.22394/2070-8378-2024-26-1-110-118

Аннотация: В статье представлено исследование общественной дискуссии по поводу остзейского вопроса и роли Остзейского края в Российской империи середины XIX века. Отмечается, что до середины XIX века эта тема редко вызывала бурное обсуждение и была встроена в более широкий вопрос положения иностранцев в России, однако 1850–1860-е годы стали периодом наиболее острой и напряженной дискуссии по этому поводу, что было обусловлено историческими процессами и политическими изменениями, а также зарождающимся национальным дискурсом. Работой, которая фактически открывает ворота в остзейскую дискуссию 1850-х и 1860-х годов, несомненно, стали «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина, написанные им в 1849 году по следам своей чиновничьей работы в Комитете по устройству ливонских крестьян Министерства внутренних дел. Автор анализирует проявление различных точек зрения – «проостзейской» и «антиостзейской» – в общественном пространстве и их отражение в публицистике, где основными проводниками темы стали Ю.Ф. Самарин и М.Н. Катков. Главными изданиями, обсуждавшими тему Остзейского края, были газеты «День», «Московские ведомости», «Весть», «Северная почта», «Биржевые ведомости» и «Наше время». Вне ограниченного круга газет до середины 1860-х годов остзейский вопрос имел в большинстве случаев третьестепенное значение. Автор делает вывод, что результатом дискуссии стали значительные изменения – и прежде всего впервые были приняты меры для создания единого политико-культурного пространства России в последующие эпохи.

Ключевые слова: остзейский вопрос, периодическая печать, Прибалтика, «Московские ведомости», «Письма из Риги» Ю.Ф. Самарина

Дата поступления статьи в редакцию: 30 ноября 2023 года.

DISCUSSION ON THE OSTSEE PROVINCES IN RUSSIAN PUBLIC THOUGHT IN THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY

RESEARCH ARTICLE

Alexander G. Argun

Abstract: The article provides research on public thought concerning the Ostsee issue and the role of the Ostsee region in the Russian Empire in the middle of the XIX century. Until the middle of the XIX century, this issue was rarely discussed and was embedded in the broader topic of the status of foreigners in Russia. The most intense and passionate debate on this issue arose between the 1850s and 1860s, driven by political and historical developments and the newly formed national discourse. The work that provides access to the Ostsean discourse of the 1850s and 1860s is Y.F. Samarin's «Letters from Riga», composed in 1849 while he was pursuing his official duties at the Ministry of the Internal Affairs' Committee for the Organization of Livonian Peasants. The author examines how opposing viewpoints – both «pro-» and «anti-Ostsean» – appear in public and how they are reflected in journalism, with Y.F. Samarin and M.N. Katkov becoming the theme's principal promoters. The primary publications that discussed the topic of the Ostsee region were the newspapers «Den'», «Moskovskie Vedomosti», «Vest'», «Severnaya Pochta», «Birezhevy Vedomosti», and «Nashe Vremya». Until the middle of the 1860s, the Ostsee issue was generally of insignificant importance outside the aforementioned newspapers. According to the author's conclusion, the discussion led to many significant changes, including the first steps taken to establish a unified political and cultural space in Russia for the following epochs.

Keywords: Ostsee issue, periodicals, Baltic States, «Moskovskie Vedomosti», «Letters from Riga»

Received: November 30, 2023.

Введение

По условиям Ништадтского мирного договора Россия юридически закрепила выход к Балтийскому морю, вернув ранее утраченные земли и прирастив новые. При вхождении по результатам Северной войны прибалтийских земель в состав Российской империи вступили в силу Капитуляционные акты и аккордные пункты, сопровождавшие вхождение прибалтийских земель в состав Российской империи, они закрепили для местного дворянства и городского сословия те привилегии, которые были даны их предкам польским и шведским королями. Благодаря этому в регионе сформировался так называемый «остзейский особый порядок», который предполагал свою уникальную судебную-административную систему в каждой из провинций (губерний), привилегированное положение немецкого языка и лютеранской веры, особые права немецкого рыцарства на владение землей и гильдий на управление городами [Исторические сведения..., 1845. С. 93–112]. Кроме того, выходцы из Прибалтики заняли особое место в управлении всей империей и плотно влились в гражданскую и военную верхушку. Такие фамилии, как Остен-Сакен, Будберг, Пален, Врангель, Мейендорф, Бирон, Лёвенвольде, Буксгевден и другие, вошли в российскую элиту и оставались в ней вплоть до 1917 года.

Эти условия положили начало в России «остзейскому вопросу», занявшему заметное положение в российской общественной дискуссии. В разные периоды этот вопрос актуализировался, однако в целом можно говорить, что до второй четверти XIX века отношение русской публики было достаточно, с одной стороны, противоречивым, с другой – спокойным. Эта тема редко вызывала бурное обсуждение и была встроена в более широкий вопрос положения иностранцев в России в принципе, но к концу правления Николая I актуализировалась [Шульгин, 2009. С. 51–72]. Среди оценок современников и в историографии можно найти достаточно характеристик николаевского правления как «немецкого», известно и его расположение к немецкому дворянству. На этот период пришлось много эпизодов русско-немецкого противостояния, связанных с такими явлениями и событиями, как замена А.С. Шишкова на князя К.А. Ливена на посту министра просвещения, издание журнала «Европеец» под редакторством И.В. Киреевского и его закрытие [Там же. С. 87, 90], деятельность министра путей сообщения П.А. Клейнмихеля, генерал-губернатора Петербурга П.К. Эссена. Одним из важнейших событий этого периода был массовый переход в 1840-х годах прибалтийских крестьян в православие, из-за чего в 1846 году даже был создан Остзейский комитет; российская же администра-

ция противодействовала переходам [Фриз, 2017. С. 784–797]. Даже среди участников декабристского восстания и людей из близких к декабристам кругов были те, кто мотивировал это выступление в том числе унижением русского дворянства перед немецким [Цымрина, 2011. С. 29–40; 72–73].

К середине XIX века остзейский вопрос получает все больший национальный окрас, а в правление Александра II становится, вероятно, самым бурно обсуждаемым за всю свою историю. Отсюда возникает необходимость рассмотреть этот вопрос через призму зарождающегося в России национального дискурса.

«Письма из Риги» как памятник раннего российского национализма

Работой, которая фактически открывает ворота в остзейскую дискуссию 1850-х и 1860-х годов, несомненно, стали «Письма из Риги» славянофила Ю.Ф. Самарина, написанные им в 1849 году и распространявшиеся в качестве рукописи для узкого круга людей. На это сочинение его сподвиг опыт чиновничьей работы в Комитете по устройству лифляндских крестьян Министерства внутренних дел [Скороходова, 2011. С. 102]. Несмотря на неширокое распространение, это сочинение стало самым показательным на тему остзейского вопроса в этот период. Стоит обратить внимание на то, что «Письма» фактически не являются памятником славянофильства, так как автор в них практически не высказывает специфические взгляды, присущие ему и его кругу, и славянофильская идеология там отсутствует. Хотя Самарин и не вполне воздерживается от эмоциональных оценок, он старается не применять в этом произведении характерные для славянофильского дискурса тропы и уклоняется от высказывания принципиальных позиций, которые читатель может посчитать спорными и которые ему пришлось бы отстаивать. Он практически не доказывает, почему то или иное явление, распространенное в Остзейском крае, или его общественные порядки, по его убеждению, вредно или зло, выставляя это за самоочевидное.

Самарин ставит немецкому рыцарству в вину то, что оно не образует «народа» (учитывая словупотребление той эпохи, видимо, стоит читать как «нация») ни с завоеванным эстским и латышским населением, ни с государством, подданными которого они являются. Первыми они повелевают на правах господина по отношению к рабу, а второму преклоняют колено в качестве вассалов [Самарин, 1889. С. 7–9]. Для сословного общества еще в XVIII веке такое положение дел казалось бы очевидным, и в обсуждении остзейского вопроса буквально за несколько десятков лет до написания «Писем»

История государственности

сложно было найти критику именно по этому поводу. Напротив, Самарин ставит остзейцам в вину следование сословным предрассудкам, исходя из которых служба государству является скорее традицией и выгодным предприятием, чем самоценным гражданским долгом перед Отечеством, о котором они, по оценке автора, либо не имеют понятия, либо не считают за таковое Россию [Там же. С. 32–33, 114]. Критика немецко-балтийского общества за его весьма условную лояльность России, которая наблюдается только при благоволении правительства его интересам и привилегиям, станет потом неотъемлемой частью претензий как в ряде отдельных аналогичных свидетельств [Шульц, 1915. С. 157–158], так и в антиостзейской печати 1850–1860-х годов.

Вместе с положением немецко-балтийского дворянства автор подвергает критике устаревшую гильдейско-цеховую систему городского управления в Риге, Ревеле и других городах, сформированную благодаря данным им за несколько веков привилегиям и сохраняющимся благодаря их подтверждению российской властью. По мнению автора, эти порядки мешают достижению общего благосостояния и закрепляют доминирование одной группы подданных (потомственных немецких горожан лютеранской веры) над другими, причем Самарин защищает не только русских купцов и ремесленников, но и латышских [Самарин, 1889. С. 74–98].

Кроме того, Самарин считает большим недостатком местных порядков вспомогательную роль «Уложения законов Российской империи» по отношению к местному сословному законодательству. Отсюда также вытекает и различие российских и остзейских законов, и незнание немецкими чиновниками русского языка, который им становится из-за этого различия не нужен [Там же. С. 34–36], и оторванность остзейцев от российского гражданского общества. Представление о едином нормативном государственном языке, едином законодательстве и административно-судебной системе, работающих на этом языке и имеющих равную силу во всех уголках государства, в неочерченном виде имело место и в XVIII веке в умах некоторых мыслителей и государственных деятелей в период правления Екатерины II, однако преподносить это как нечто само собой разумеющееся, по крайней мере для русской общественности, было достаточно новым в трудах Самарина.

Все это дает понять, что национальный дискурс в России к концу правления Николая I начинает обретать силу. Впоследствии в него станет вовлечена заметно более крупная доля публики, однако говорить о повсеместном его распространении не-

возможно ни в эту, ни в следующую эпоху. Традиционные сословные представления доминировали в сознании как значительной доли читающей публики, так и в правительстве. Сам Самарин был подвергнут наказанию за это сочинение и попал на короткое время в Петропавловскую крепость, а взгляды его воспринимались, говоря словами С.С. Уварова и А.А. Закревского, «якобинскими» и «коммунистическими» [Скороходова, 2011. С. 107–108], что было особенно болезненно в годы так называемого «темного семилетия», наступившего в России после европейских революций 1848–1849 годов. Тем не менее во всей последующей антиостзейской публицистике критика будет строиться почти на тех же самых тезисах.

Через призму аграрного вопроса

В правление Александра II наступила эпоха, которая охарактеризовалась ослаблением цензуры и рядом масштабных реформ, вызвавших оживление общественной дискуссии. Остзейский край не мог не занять особое место в обсуждении таких реформ, как крестьянская, земская, судебная и городская. В правительстве при этом появились влиятельные лица, которые составили условную «антиостзейскую партию»; к ним относились в первую очередь великий князь Константин Николаевич, министр государственных имуществ А.А. Зеленой и военный министр Д.А. Милютин, получившие особенное влияние к началу 1860-х годов. Неслучайно поэтому, что наиболее откровенную антиостзейскую позицию озвучивали такие издания, как «Морской сборник», «Кронштадтский вестник», которые были связаны с морскими кругами и находились под кураторством Константина Николаевича, обеспечившего им цензурные послабления, и «милютинский» «Русский инвалид».

Существовала также и симпатизирующая остзейцам партия, главными представителями которой можно назвать курляндского губернатора в 1853–1858 годах и министра внутренних дел с 1861 года П.А. Валуева, министра финансов М.Х. Рейтерна, прибалтийского, а с 1861 года – петербургского генерал-губернатора А.А. Суворова [Исаков, 1961. С. 6]. Говоря о последнем, стоит отметить, что он был одним из главных объектов антиостзейской критики в 1850-е годы, а степень его содействия интересам немецкого дворянства отмечалась как чуть ли не большая, чем у его предшественника М.И. Палена, который сам был остзейского происхождения [Шульц, 1915. С. 149; Самарин, 1889. С. 104]. Вместе с тем позиция самого Александра II была изменчивой, склоняясь то в одну, то в другую сторону; правительство также в целом вело противоречивый курс, лавируя между своими интере-

сами и интересами местного дворянства [Шульц, 1915. С. 149–151].

Наиболее важным фактором в 1850–60-х годах было соприкосновение остзейского вопроса с крестьянским. Крепостное право в Прибалтике было отменено еще в 1816–1819 годах, но на совсем иных условиях, чем это было позже проведено в остальных российских губерниях. Крестьяне губерний Прибалтики не получали земли, а сама их возможность на владение ею была достаточно призрачна [Россохина, 2011. С. 82–88]. Так крепостные превратились в арендаторов, продолживших выплачивать аренду в большинстве случаев в виде барщины. При этом крестьянский вопрос в Прибалтике на протяжении 50-х и 60-х годов обострялся. В 1858 году в Эстляндской губернии происходят крестьянские волнения, перешедшие в восстание – так называемая «Война в Махтра», а на 1864 год пришлось петиционная кампания эстонских крестьян из Лифляндии, одним из основных прошений императору в которой было не изменить положения крестьян в Лифляндии, а разрешить переезд в южные губернии, где они бы избавились от соседства с немецкими дворянами [Крусс, 1957. С. 496], просьбы, однако, не были удовлетворены. Формируются эстонское и латышское национальные движения, в которых в 1850-е и 1860-е годы появляются свои лидеры, периодические издания, происходят общественные кампании. Среди эстонцев можно особенно выделить деятельность И.В. Янсена и, позднее, К.Р. Якобсона, а среди латышей – К. Вальдемара и его газету «*Peterburgas avizes*».

Сильным толчком к полемике о положении крестьян в Прибалтике послужила публикация «*Der Este und sein Herr*», написанная под впечатлением от Махтрасского восстания на немецком языке и приписываемая перу русского педагога, публициста и цензора иностранной литературы в Риге и Ревеле В.С. Благовещенского [Бендер, 2017. С. 236–247]. В сочинении содержалась основанная на обширных фактических сведениях критика немецких землевладельцев [Der Este und sein Herr, 1864. P. 62–67]. Положительные рецензии на эту книгу были опубликованы в ряде русских газет, а немецкие газеты заняли резко враждебную позицию по отношению к сочинению. В нескольких номерах «Дня» разразилась дискуссия между антиостзейским автором В.В. Ивановым, бароном П. Гершау и редакцией газеты [День, 1864. С. 18].

В историографии существует достаточное количество исследований, отмечающих «демократический пафос» русских правых из «русского направления» того периода [Иванов, Казин, Светлов, 2015. С. 150–151] (об этом см. ниже). Этим объясняется и то, что одним из направлений, куда

такого рода издания направляли свою антиостзейскую риторику, был земельный и крестьянский вопросы. Поэтому и И.В. Аксаков, и М.Н. Катков – редакторы «Дня» и «Московских ведомостей» соответственно – публиковали на страницах своих газет, например, статьи Вальдемара, изобличавшие социальное положение латышских крестьян при немецких землевладельцах.

Если же говорить о защитниках остзейского строя, то в русской печати существовала достаточно знаменитая консервативная газета «Весть», преемник газеты «Русский листок», при учреждении которой присутствовал лифляндский предводитель дворянства князь П. Ливен [Исаков, 1961. С. 27]. Разница взглядов на остзейский вопрос между кругом «Вести», с одной стороны, главным публицистом которой был Н.А. Безобразов, и славянофильским и катковским кругами – с другой, была аналогична их разнице во взглядах на социальные вопросы. В отличие от последних «Весть» отображала взгляды тех дворянских кругов, которым принципиальны были сословные привилегии и которых не устроила крестьянская реформа, давшая крестьянам общинное самоуправление и пошатнувшая статус российского дворянства [Котов, 2017. С. 295]. Кроме «Вести» невраждебно к остзейскому порядку относились только «Северная почта» (официальная газета Министерства внутренних дел), «Биржевые ведомости» и официозная «Наше время».

Вне ограниченного круга газет до середины 1860-х годов остзейский вопрос имел в большинстве случаев третьестепенное значение. Правительство, особенно в лице проостзейских его представителей, отрицательно относилось к существованию русско-немецкого диспута и принимало соответствующие цензурные меры. Не без участия Валуева цензура газеты «*Peterburgas avizes*» была перенесена из Петербурга в Ригу, а потом сама газета была закрыта в 1865 году, а Вальдемар вместе с другими «младолатышами» окончательно перешел в «Московские ведомости». Тем же Валуевым был усилен надзор над аксаковским «Днем» из-за статей о Прибалтике, в цензурном ведомстве появилось отдельное дело «О прекращении полемики с немецким населением Остзейского края» [Исаков, 1961. С. 25–26], и на некоторое время эта тема становится менее обсуждаемой.

Остзейский вопрос после Польского восстания

Польское восстание 1863–1864 годов оказывает на остзейский вопрос влияние, сравнимое по важности с отменой крепостного права. В условиях мятежа на важной национальной окраине страны, лидирующую роль в котором играло польское шляхетство, антиостзейская риторика стала как никогда

История государственности

актуальной, даже несмотря на полную лояльность прибалтийского дворянства российской власти в польском вопросе. Обособленное с национальной точки зрения от русского общества, тяготеющее к Германии балтийско-немецкое дворянство воспринималось такими людьми, как Катков, аналогично польскому и полонизированному шляхетству Царства Польского и Северо-Западного края, в данном случае тяготевшему к исторической Речи Посполитой. В случае последнего региона, большую часть населения которого составляли белорусы и литовцы, эта аналогия была еще актуальнее. К польскому вопросу был применен и весь антисловный пафос антиостзейской печати [Катков, 1863(а). С. 469–506]. Еще одной аналогией между польской ситуацией и остзейскими губерниями был внешнеполитический фактор: на стороне поляков была поддержка европейской общественности, особенно в Великобритании, выражавшей свое сочувствие восставшим на правительственном уровне. В случае подобной ситуации в Остзейском крае следовало ожидать не меньшей поддержки прибалтийских немцев со стороны Пруссии. В завершение статьи Каткова за январь 1863 года, посвященной Польше и написанной накануне восстания, автор не зря вскользь упоминает претензии части немецкого общества на Остзейские губернии [Катков, 1863(б). С. 488] – говорить более прямо он не мог в силу цензурных ограничений на эту тему.

Русская нация, по Каткову, должна была включить в себя различные народы империи на основании общей для всех политической лояльности российскому государству, единства закона и государственного языка, что вместе с тем подразумевает не полную культурную русификацию народов России, а их единство с русской нацией, понимаемой политически. Если в случае Самарина можно было говорить только о начале формирования национального дискурса в России, то Каткова можно считать представителем уже зрелого русского национализма [Кудряшев, 2012. С. 40]. Исходя из модернистской теории Э. Геллнера, национализм – это явление формирования индустриального общества, заключающееся в гомогенизации общества через подчинение сословных, региональных, конфессиональных или этнических сообществ одной приоритетной политической лояльности национальному государству [Gellner, 1984]. Главную опасность для существования России Катков видел не в революционных или внешних угрозах, но в неустойчивости национальных окраин и сепаратизме [Собрание передовых статей..., 1897. С. 702–704]. Из этого представления и происходят симпатии Каткова по вопросу Прибалтики: в то время как остзейская немецкая верхушка чувствует себя обо-

собленно от российского государства и русского народа, стремится к особым привилегиям и автономии и тяготеет к Германии, латыши и эстонцы добиваются распространения на Прибалтику общероссийских законов и с симпатией относятся к русским; газету «Петербургас авизес» остзейцы даже обвиняли в «славянофильстве». Социальная же направленность этой газеты, как и статей Вальдемара в «Московских ведомостях», не была проблемой для Каткова, что отличало его и славянофилов от тогдашней государственной позиции по этому вопросу. Государственная же позиция при этом была выражена прибалтийским генерал-губернатором бароном В.К. Ливеном в письме министру внутренних дел П.А. Валуеву, где говорилось, что перенесение цензуры «Петербургас авизес» в Ригу было вызвано направлением газеты, «обращенным в то время прямо против помещиков, духовных лиц и начальства, т.е. клонившегося к потрясению залогов общественного спокойствия» [Исаков, 1961. С. 25].

К слову, на 1860-е годы пришлось наиболее активное обсуждение среди остзейских немцев вопроса о германизации эстонского и латышского населения, в то же время отношение русской публики к идее ассимиляции в тот период можно выразить высказываниями такого рода: «Как ни была эфемерна сорокалетняя свобода эстонцев, но все-таки их элемент успел окрепнуть до того, что теперь уже заметно проявляется сознание и чувство национальности <...>. Вообще прошла уже пора германизирования эстонцев» [День, 1862. С. 14].

На волне Польского восстания и после него, несмотря на цензурные ограничения, Каткову удается не только популяризировать свои идеи в обществе, а через него и «возыметь влияние на само правительство» [Попов, 2020. С. 46], которое, как и общество в целом, оказалось более восприимчивым к идее политической, государственной русской нации в противовес славянофильской концепции. Так, под влиянием в том числе данного Катковым импульса постепенно начинает формироваться национальная политика Российской империи, ставящая своей целью «русификацию национальных окраин» [Renner, 2003. Р. 661], что главным образом проявится во время правления Александра III.

Внешнеполитическое измерение

Говоря об остзейском вопросе в 1850–1860-е годы, нельзя обойти вниманием то, что он в этот период впервые выходит на международный уровень. Это было обусловлено ростом пангерманских настроений в Германии и ослаблением авторитета России в результате Крымской войны. В ее разгар, в 1855 году, когда Пруссия занимала позицию недружествен-

ного нейтралитета по отношению к России, один из главных берлинских консерваторов Леопольд фон Герлах предъявил русскому послу Петру фон Мейендорфу мемориал, в котором обращалось внимание на религиозный вопрос в Прибалтике. В это время в Петербурге прусский посол К. фон Вертер устроил совещание с представителями остзейского дворянства по поводу целесообразности дипломатического вмешательства Пруссии в их отношения с российским правительством. И хотя те уверили посла, что такие действия со стороны Пруссии были бы нежелательны и повлекли бы за собой негативную реакцию по отношению к остзейцам со стороны российского двора, вопрос о возможном участии Германии в делах прибалтийских немцев был впервые поставлен [Зутис, 1957. С. 478].

Здесь нельзя обойти фигуру прусского лидера О. фон Бисмарка, который имел личные и родственные связи с остзейским дворянством, будучи непрямым потомком губернатора Риги и свояка Бирона, а также личным другом графа Александра Кайзерлинга и ливляндского губернатора А. Эттингена. Будучи прусским посланником в России в 1859–1861 годах, Бисмарк окружил себя балтийским рыцарством. Оно вместе со своим влиянием при российском дворе небезосновательно виделось ему мостиком между Пруссией и Россией, который должен был бы скрепить отношения между двумя державами [Там же. С. 477]. Впоследствии это станет особенно важным для Бисмарка, так как позиция России по германскому вопросу в австро-прусском и франко-прусском конфликтах имела принципиальное значение.

Правление Бисмарка пришлось на тот период, когда положение остзейского дворянства в российском общественном мнении было худшим за все предыдущие периоды. Бисмарк, как и все германские консерваторы, сочувствовал остзейцам в их отстаивании своих привилегий, однако это сочувствие входило в противоречие с необходимостью поддерживать дружественные отношения с Россией; отсюда и потребность в лавировании, и интриги с использованием подконтрольной Бисмарку прессы, в которой он то разжигал остзейский вопрос, то сдерживал общественное мнение по этому поводу. Так, в 1865 году Бисмарк сокрушался в разговоре с русским послом П.П. Убри по поводу обсуждения в прусском ландтаге запроса о положении остзейского рыцарства. В беседе с послом Бисмарк уверял, что он, будучи сторонником дружбы с Россией, не находит такие обсуждения приемлемыми. Тем не менее своей эффект это возымело: несмотря на ноту Горчакова о недопустимости вмешательства во внутренние дела России, Александр II вскоре подписывает секретный циркуляр, отменяющий обя-

зательное крещение детей из смешанных браков в православие. Остзейцы, некоторые влиятельные представители которых были осведомлены о намерениях Бисмарка, получили еще одно подтверждение, что царское правительство расположено к ним [Muskat, 1934. P. 96].

В 1866 году Пруссия одерживает безоговорочную победу над Австрией. В Северогерманском союзе с пангерманских позиций периодически всплывает остзейский вопрос, причем как в консервативном, так и в либеральном политическом лагере. В 1867–1868 годах, например, выходит сначала в либеральной «Unsere Zeit», а затем и в виде отдельного издания публикация Э. Каттнера «Призвание Пруссии на востоке», автор которой рассматривает Россию как противника объединяющейся Германии, а Прибалтику – как будущую немецкую территорию, на которой Пруссия должна провести ряд реформ по своему образцу и германизировать местное население [Sivers, 1869. P. XII]. К слову, вопрос о сомнительности сохранения остзейских привилегий при возможной прусской власти неоднократно ставился и в русской печати [Санкт-Петербургские ведомости, 1868]. Российское общество с вниманием следило за общественным мнением в Германии, и остзейский вопрос здесь не стал исключением. Вышеупомянутая статья Каттнера обсуждалась, например, в «Современной летописи» (воскресные прибавления к «Московским ведомостям») [Современная летопись, 1867].

Отдельного внимания требует случай, произошедший в Ливляндии с лесничим прусского подданства Арнимом, нанявшимся на работу к некому ливляндскому землевладельцу. Эта ситуация, произошедшая в 1868 году, получила широкое обсуждение как в русской, так и в немецкой печати. У Арнима случился конфликт с его нанимателем из-за, как он утверждал впоследствии, отказа применять насилие (стрелять солью) по латышским бобылям на его землях. Ссора привела к ругани, вмешательству полиции и последующему осуждению Арнима за оказанное сопротивление (на шесть недель его поместили в тюремное заключение). Существуют сведения о дальней родственной связи между лесничим и самим Бисмарком, что придает делу еще большей остроты [Исаков, 1961. С. 127–128]. Бисмарку пришлось воздержаться как от защиты остзейской стороны в этом вопросе, так и от того, чтобы вступить за прусского подданного Арнима. Вместе с тем в официальной прусской «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» вышло несколько критических по отношению к балтийским немцам заметок по этому вопросу.

В Германии же у Бисмарка складывалось сложное положение. Обострение русско-остзейского

История государственности

противостояния в России и внимания к нему в Германии могло поставить под вопрос дружественную по отношению к России дипломатию во время подготовки к войне с Францией. Интересы остзейского дворянства начинали откровенно мешать Бисмарку [Muskat, 1934. Р. 111], отчего тому приходилось прикладывать усилия, чтобы убрать эту тему из германской повестки. В условиях накаляющихся отношений с Францией это не составило труда.

Тем не менее в совокупности с остальными факторами, составлявшими остзейский вопрос в эти годы, реакция на обсуждение Прибалтики в Германии выливалась в негодование в сторону остзейского дворянства. Во второй половине 1860-х годов катковский взгляд на остзейский вопрос перенимает большинство либеральных изданий, а «Московские ведомости» становятся наиболее влиятельной газетой в правом лагере [Исаков, 1961. С. 29], особенно после частичного снятия цензурных ограничений. Это не могли не чувствовать на себе сами остзейцы [Keyserling, 1902. Р. 509; Sivers, 1869. Р. X]: «То, что вчера оставалось строго осуждаемым, сегодня можно читать например, “Livländische Beiträge” Б.В. фон Бока или “Окраины России” Самарина, которые сначала были запрещены, а теперь, по слухам, рекомендуются для прочтения эстляндцам!» – писал остзейский поэт и публицист Егор Петрович фон Сиверс [Sivers, 1869. Р. X].

В последние годы этого десятилетия началась новая волна русско-немецкой дискуссии. Центральной здесь станет работа Самарина «Окраины России», выходявшая несколькими выпусками за границы. В ней автор частично повторяет свои прежние тезисы из опыта, использованного ранее для написания «Писем из Риги», но также и соотносит их с польским вопросом: «По поводу Балтийской агитации за границей, я не могу не обратить внимания на тесный союз, заключенный между пропагандою немецкою и пропагандою польскою. В Пруссии познанские поляки, кажется, впервые подняли голову за мнимо угнетенных балтийцев. <...> Балтийские публицисты поносят память покойного графа Муравьева, указывают Европе на угнетение латинского духовенства и негодуют на насильственное введение в западном крае Русского языка. Разверните любую заграничную брошюру балтийского изделия, и вы найдете в ней все знакомые вам мотивы польского изобретения...» [Самарин, 1868. С. 37–38] – и германской политикой, упоминая и связи балтийцев с Бисмарком, и их попытки настроить против России общественное мнение в Германии [Там же. С. 42–43]. После публикации «Окраин» Самарин становится главной мишенью остзейской публицистики.

В 1868–1869 годах при игнорировании ситуации со стороны Северогерманского союза антиостзейская партия и общественность одерживают ряд важных побед. Во-первых, с поста лифляндского гражданского губернатора ушел объект критики «Московских ведомостей» Август Александрович фон Эттинген. Во-вторых, Карл Ширрен вынужден был оставить пост профессора Дерптского университета и покинуть Россию за опубликованный в 1869 году в Лейпциге «Лифляндский ответ г-ну Юрию Самарину», вызвавший широкое общественное обсуждение. Высказывания о том, что в случае перенесения на Прибалтику общероссийских законов остзейское рыцарство сможет считать себя ничем не связанным с Россией [Schirren, 1869. Р. 42], только подтверждали самаринскую и катковскую критику. Друг Бисмарка Кайзерлинг, сочувствовавший Ширрену и протестовавший против начавшихся в Прибалтике реформ, также вынужден был подать в отставку с поста куратора Дерптского университета и учебного округа [Keyserling, 1902. Р. 557, 571–573]. Дополнительное преимущество антиостзейской партии дало откровенно антируское сочинение Бока [Bock, 1867], от которого остзейская публика была вынуждена публично отрещиваться [Зутис, 1957. С. 491]. Но более важным было проведение перед Франко-прусской войной ряда реформ, к которым давно призывала антиостзейская общественность. Так, барщина была полностью вытеснена денежной арендой [Jung-Stilling, 1868. Р. 8], совместно с другими российскими областями Прибалтику затронула (хоть и в ограниченном виде) судебная реформа [Зайнутдинова, 2014. С. 126–128], открылось несколько гимназий с преподаванием русского языка в Риге и Ревеле.

Впрочем, этот курс так и не дошел до своего логического завершения. После победной для Берлина Франко-прусской войны и образования мощного германского государства уже русское правительство оказалось вынуждено подавлять русско-остзейское противостояние в качестве одной из мер укрепления отношений с молодым германским государством. Немалую роль здесь также сыграла роль министра внутренних дел А.Г. Тимашева и самого Александра II, имевших значительно более проостзейские взгляды, чем большинство в русской общественности на тот момент. От «Московских ведомостей» и прочих изданий потребовали воздерживаться от дальнейшего обсуждения остзейского дворянства. Промежуточным итогом остзейского вопроса стала официальная записка «Балтийский вопрос с правительственной точки зрения», в составлении которой принимал участие П.А. Валуев. В ней изложен взгляд, по которому российская политика в Остзейском крае должна сочетать в себе

уважение к привилегиям местного дворянства и встраивание латышского и эстонского населения в единое русское культурное пространство [Исаков, 1961. С. 178–179].

Заключение

Период второй и третьей четвертей XIX века является ключевым в формировании национального дискурса в России и развитии остзейского вопроса, в частности. Ю.Ф. Самарин и М.Н. Катков ставили вопрос о необходимости проведения унификационной имперской политики применительно к Прибалти-

ке. Власть Российской империи впервые приняла ряд мер, заложивших основы для политики создания единого политико-культурного пространства в последующие эпохи. Вместе с тем главными особенностями остзейского вопроса, впервые проявившимися в этот период, стали следующие обстоятельства: включение остзейского вопроса в международные отношения, что повторится только в начале XX века; появление латышского и эстонского движений и их влияние на общественную дискуссию; вовлеченность русской общественности в социальное противостояние в Прибалтике.

Литература

- Бендер Р. Эстонские переводы балтийско-немецких текстов в советскую эпоху и их восприятие // *Acta Slavica Estonica X. Труды по русской и славянской филологии X*. Тарту, 2017. С. 236–247.
- День. № 50, 1862.
- День. № 15, 1864.
- Зайнутдинова Г.Ш. Особенности реализации судебной реформы 1864 г. в Остзейском крае. *Вестник экономики, права и социологии*. 2014. № 2. С. 126–128.
- Зулис Я.Я. К истории остзейского вопроса в 60-х годах XIX в. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.
- Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. Т. 16. Вып. 4. С. 143–157.
- Исаков С.Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х гг. Тарту, 1961.
- Исторические сведения об основаниях и ходе местного законодательства губерний остзейских. СПб., 1845.
- Катков М.Н. Что нам делать с Польшей? *Русский вестник*. 1863(а). Т. 44. С. 469–506.
- Катков М.Н. Польский вопрос. *Русский вестник*. 1863(б). Т. 43. С. 471–482.
- Катков М.Н. Цельность и однородность русского государства. *Московские ведомости*. 1864. № 246. 9 ноября // Собрание передовых статей Московских ведомостей. М., 1897.
- Котов А.Э. «Народность» и «сословность»: два полюса русского консерватизма. *Христианское чтение*. 2017. № 2. С. 288–306.
- Крусс Х.Х. Петиционная кампания эстонских крестьян в 60-х гг. XIX в. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957.
- Кудряшев В.Н. М.Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX века. *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 4 (20). С. 40–42.
- Попов Э.А. «Департамент Каткова»: Новационные технологии общественного влияния на курс государственной политики реформируемой России. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 3 (66). С. 43–53.
- Россохина А.В. Решение земельного вопроса при освобождении крестьян в Остзейских губерниях в 1816–1819 гг. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2011. № 4. Т. 4. С. 82–88.
- Самарин Ю.Ф. Окраины России, вып. 1. Прага, 1868.
- Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 7. М., 1889.
- Санкт-Петербургские ведомости. 1868. № 251.
- Скорородова С.И. «Письма из Риги в историософии Ю.Ф. Самарина. Соловьевские исследования. 2011. № 4 (32). С. 102–113.
- «Современная летопись». 1867. № 33.
- Фриз Гр. Религиозная политика Российской империи в Прибалтике. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 784–797.
- Цымина Т.В. Взгляды декабристов на национальный вопрос. *Альманах современной науки и образования*. 2011. № 7 (50). С. 29–40.
- Шульгин В.Н. Русские свободные консерваторы XIX века об Остзейском вопросе. СПб., 2009.
- Шульц П.А. Остзейский комитет в Петербурге в 1856–57 гг. *Голос минувшего*. 1915. № 2. С. 146–170.
- Bock W. v. Livländische Beiträge. Zweiter Beitrag. Berlin, 1867. Der Este und sein Herr. Reval, 1864.
- Gellner E. Nations and nationalism. Oxford, 1984. In English.
- Jung-Stilling Fr. von. Statistisches Material zur Beleuchtung Livländischer Bauer-Verhältnisse. St. Petersburg, 1868.
- Keyserling A. Ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern, Bd. 2. Berlin, 1902.
- Muskat H. Bismarck und die Balten. Ein geschichtlicher Beitrag zu den deutsch-baltischen Beziehungen. Berlin, 1934.
- Renner A. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the 'Invention' of National Politics. *Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. No. 4. P. 659–682. In English.
- Schirren C. Livländische Antwort an Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869.
- Sivers J. Von Humanität und Nationalität. Eine livländische Säcularschrift zum Andenken Herder's und zum Schutze livländischen Verfassungsrechtes. Berlin, 1869.

References

- Bender R. Estonian translations of Baltic-German texts in the Soviet era and their perception // *Acta Slavica Estonica X. Works on Russian and Slavic philology X*. Tartu, 2017. P. 236–247. In Russian
- Bock W. v. Livonian contributions. Second post. Berlin, 1867. In German
- The Estonian and his master. Reval, 1864. In German
- Den'. No. 50, 1862. In Russian

История государственности

- Den'. No. 15. 1864. In Russian
- Freeze Gr. Religious policy of the Russian empire in the Baltics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. Vol. 62. Issue. 4. P. 784–797. In Russian
- Historical information about the foundations and progress of local legislation in the Baltic provinces. St. Petersburg, 1845. In Russian
- Isakov S.G. The Baltic issue in the Russian press of the 1860s. Tartu, 1961. In Russian
- Ivanov A.A., Kazin A.L., Svetlov R.V. Russian nationalism: basic milestones of historic re-evaluation. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2015. Vol. 16. Issue. 4. P. 143–157. In Russian
- Jung-Stilling Fr. von. Statistical material illuminating Livonian farming conditions. St. Petersburg, 1868. In German
- Katkov M.N. Integrity and homogeneity of the Russian state. *Moskovskiy vestnik*. 1864. No. 246. November 9. // Collection of editorial articles of the Moscow Gazette. Moscow. 1897. In Russian
- Katkov M.N. Polish issue. *Russkiy vestnik*. 1863(b). Vol. 43. P. 471–482. In Russian
- Katkov M.N. What should we do with Poland? *Russkiy vestnik*. 1863(a). Vol. 44. P. 469–506. In Russian
- Keyserling A. A picture of his life from his letters and diaries. Vol. 2. Berlin, 1902. In German
- Kotov A.E. "Populism" and "class system": two poles of Russian conservatism. *Khristianskoye chteniye*. 2017. No. 2. P. 288–306. In Russian
- Kruss H.H. Petition campaign of Estonian peasants in the 60s of the 19th century. // From the history of social movements and international relations. Moscow, 1957. In Russian
- Kudryashev V.N. M.N. Katkov in the Russian imperial discourse in the second half of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. No. 4(20). P. 40–42. In Russian
- Muskat H. Bismarck and the Balts. A historical contribution to German-Baltic relations. Berlin, 1934. In German
- Popov E.A. "Katkov's department": innovative technologies of public influence on the course of state policy in the reformed Russia. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. No. 3 (66). P. 43–53. In Russian
- Rossokhina A.V. The solution for the land issue during the liberation of peasants in the Baltic provinces in the 1816–1819 years. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 2011. No. 4. Vol. 4. P. 82–88. In Russian
- Samarin Yu.F. Essays. Vol. 7. Moscow, 1889. In Russian
- Samarin Yu.F. Outskirts of Russia, issue 1. Prague, 1868. In Russian
- Sankt-Peterburgskiy vedomosti. 1868. No. 251. In Russian
- Schirren C. Livonian answer to Mr. Yuriy Samarin. Leipzig, 1869. In German
- Sivers J. Of humanity and nationality. A Livonian secular publication in memory of Herder and to protect Livonian constitutional law. Berlin, 1869. In German
- Skorokhodova S.I. «Letters from Riga» in the historiography of Yu.F. Samarin. *Solov'yevskiy issledovaniya*. 2011. No. 4(32). P. 102–113. In Russian
- Sovremennaya letopis'. 1867. No. 33. In Russian
- Shulgin V.N. Russian free conservatives of the XIX century about the Ostsee question. St. Petersburg, 2009. In Russian
- Shultz P.A. Baltic Sea Committee in St. Petersburg in 1856–57. *Golos minuvshego*. 1915. No. 2. P. 146–170. In Russian
- Tsymrina T.V. Decembrists' views on the national issue. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2011. No. 7 (50). P. 29–40. In Russian
- Zainutdinova G.Sh. Particularities of implementing judiciary reform in 1864 in Baltic provinces. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2014. No. 2. P. 126–128. In Russian
- Zutis Ya.Ya. On the history of the Baltic Sea issue in the 60s of the 19th century // From the history of social movements and international relations. Moscow, 1957. In Russian

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Александр Георгиевич Аргун, независимый исследователь (Российская Федерация, 127473, Москва, Селезневская, 30). E-mail: alexargun2003@gmail.com

Для цитирования: Аргун А.Г. Дискуссия об остзейских губерниях в русской общественной мысли середины XIX века. *Государственная служба*. 2024. № 1. С. 110–118.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Alexander G. Argun, Independent Researcher (30, Seleznevskaya St., Moscow, 127473, Russian Federation). E-mail: alexargun2003@gmail.com

For citation: Argun A.G. Discussion on the Ostsee provinces in Russian public thought in the middle of the XIX century. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 2024. No. 1. P. 110–118.